

ИЗ ИСТОРИИ ОМСКОГО ОСТРОГА: ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

Мастерство советской жандармерии, которая в тридцатые годы называлась ОГПУ, оказалось сильнее хваленной твердости сибирского характера. Все шестеро молодых писателей из «Сибирской бригады» почти сразу после ареста сознались в антисоветской деятельности.

Каждый вел себя по-разному

Весной 1932 года в Подмосковье были арестованы Леонид Мартынов, Николай Анов, Евгений Забелин, Сергей Марков, Павел Васильев и Лев Черноморцев. Группа сложилась в двадцатые годы в Сибири. В Москву же молодые таланты подались по той причине, что на родине уже припекло. Они не уезжали, они бежали. В столице не избалованные житейскими благами сибиряки устраивались без особых хлопот. Мотаясь в дальние редакционные командировки, работали не за деньги, а за совесть. Например, омич Леонид Мартынов, изъездивший всю советскую часть Азии, еще работая в омском «Рабочем пути», предшественнике «Омской правды», продолжал колесить по тем же местам, только с редакционным удостоверением от столичных изданий. В этих краях был способен выжить только своей. Не осведомленный о местных нравах чужак мог и на пулю степняка нарваться, его могли грабануть молодые пролетарии, ехавшие покорять огромные пространства Зауралья по комсомольскому набору, здесь было просто загнуться от тривиальной дизайнерии, ослабев сначала с голодухи.

Молодые поэты и писатели из «Сибирской бригады», как истинные патриоты своего края, в Москву ехали, не только сбега от местных партийных и правоохранительных органов, они еще мечтали прославить свою малую родину. Сумели пробиться к Горькому. Он пусть с серьезными критическими замечаниями, но все же одобрил их сборник. А издать книгу не успели: пошли аресты.

Сибиряки, долго не запираясь, начали откровенно рассказывать о преступных помыслах, реальных же дел, против первого в мире социалистического государства, за ними не числилось. Почему, если говорить на фене, быстро пошли в сознанку? Существуют две версии. Согласно одной - их сильно избивали. Согласно другой - пригро-

В этом доме по улице Красных Зорь, 30, поэт Леонид Мартынов с небольшими перерывами прожил 40 лет.

зили расстрелом. Я думаю, можно выдвинуть и третью версию. Они быстро раскололись по той причине, что, зарабатывая хлеб насущный журналистикой, знали, как ломают людей в застенках ОГПУ и что сопротивляться той ломке бесполезно. Есть у меня ощущение, что они заранее договорились признаваться во всем, если попадутся в руки чекистских костоправов.

Но веди они себя все же по-разному. 37-летний Николай Анов, старший по возрасту в «Сибирской бригаде», взял на себя всю вину за организацию антисоветской группы. 27-летний Мартынов признавался только в собственных ошибках. Мечтал о строительстве на территории Сибири отдельного высокоразвитого государства, собирал стихи, восхваляющие Колчака, а в повседневном поведении старался соответствовать манере ярых анархоиндивидуалистов. Остальные четверо подельников больше рассказывали об антисоциалистических настроениях товарищей по «бригаде», чем о себе. Так, по крайней мере, следует из опубликованных материалов дела «Сибирских писателей».

Отделались сибиряки легко. Получили по три года ссылки на север Европейской России. Хотя уже за одно то, что в разговорах между собой Сталина называли не иначе как ослом и ишаком, им железно светила высшая мера.

Серьезного наказания писатели избежали, видимо, благодаря политической обстановке,

началу очередной демократической весны, которые в советской России были традиционно короткими. Недавно из-за границы вернулся Горький, имевший большое влияние на умы интеллигенции во всем мире. Готовилось мероприятие по объединению всех прозаиков и поэтов СССР в одну большую организацию. Жесткие репрессии в отношении группы писателей оказались не ко времени.

Для омича Мартынова местом ссылки определили Вологду, где он устроился журналистом в местную газету «Красный Север».

Детские годы, не очень чудесные

Леонид Мартынов родился 22 мая 1905 года (дата дана по новому стилю) в Омске. Квартиру его родители снимали в доме, расположенном на пересечении улицы Лагерной и Никольского проспекта (ул. Красных Зорь). Это неподалеку от нынешнего Казачьего рынка. С родителями ему повезло. Семья была небогатой, но грамотной. Отец - инженер на железной дороге (после гражданской войны - техник горкомхоза), мать в прошлом, до замужества, - учительница (в советские годы работала в горздравотделе). Читать Мартынов начал рано. Позже скажет, что не помнит себя не знающим грамоты.

И все же детство и отрочество Мартынова не было очень радужным. Однако не из-за семейных или материальных не-

взгод. По другой причине. Ему пришлось перетерпеть множество обид из-за чрезмерной полноты. Он с нею боролся всевозможными средствами: от физических упражнений до специальных пилюль. Не помогало.

Укрытие от насмешек мальчик выбрал не оригинальное - поселился в иллюзорном мире книг. Миллионы в чем-то ущербных подростков и до него, и после от него реального мира скрывались там же. Литературных героев для себя выбрал тоже достаточно привычных, если не сказать грубее, - затасканных. Бунтарей. Примерами для подражания в обыденной жизни служили мужественные персонажи из «золотоискательских» рассказов Джека Лондона, а в творчестве - футуризм стихов молодого Маяковского.

Гимназию Мартынов бросил сразу же после окончания Гражданской войны.

По волнам житейского моря

Смелость у Мартынова было не отнять, как и высочайшего уровня безотходности в творческой технологии. После очередной командировки публиковал несколько очерков в новосибирской и омской прессе, нес заметки в краеведческий журнал «Омская область», выливал на бумагу стихи и поэмы, где героями были и современники Мартынова, и прославленные личности в истории Сибири - Ермак, Ершов, Бухгольц.

До конца двадцатых прошлого века Мартынов писал для сибирских журналов и газет. Потом переезд в Москву. Арест. Ссылка в Вологду. Но в Вологде он ссыльный, никому не известный журналист, поэтому удел избалованного славой сибирского очеркиста - заметки и короткие репортажи. И не вынесла, как говорится, душа поэта. Заболел туберкулезом.

Одна из сотрудниц редакции, Ниночка, пожалев больного, перевезла его к себе домой. Муж не возражал. А через неделю пациент домашней клиники сделал предложение сердобольной хозяйке. Она не устояла, а супруг

почему-то вероломством квартиранта даже не возмутился. Только в качестве компенсации попросил любовников покинуть жилплощадь. Молодые сняли квартиру, поженились. В 1935 году, после окончания срока ссылки Леонида Мартынова, семья переехала в Омск.

Творческая жизнь на родине до 1946 года - сплошная лебединая песня Мартынова. Самый знаменитый местный поэт, наставник молодых талантов. А в 1946 году КПСС начинает утешать творческую интеллигенцию. Первыми под раздачу попали Ахматова и Зощенко. Провинция сигнал поняла правильно. Травили лучших. В Омске лучшим оказался Мартынов. И он, будучи уже зрелым человеком, повторил культбит молодости - снова подался в Москву.

В сороковые годы опальных поэтов уже не расстреливали, но и не печатали. Мартынов, знавший с детства несколько языков, жил переводами. Свои произведения писал, как принято было говорить в советское время, в стол.

Плотину прорвало года через два после смерти Сталина. Общество воспряло, романтики диктовали моду на книги. И тут сибирская поэзия Мартынова, с духом ее свободы (ничего не поделаешь, трудно в нас искоренить этот дух), пришлось как нельзя кстати. Мартынов в советских поэтических рейтингах прочно утвердился на первых позициях.

Постепенно мода на Мартынова прошла, но имя осталось. Прагматичному сибиряку ничего не оставалось, как перестроиться. Он пишет о Ленине, сочиняет стихи по поводу различных научных открытий и трудовых свершений советского народа. Былой почитаемости нет, но спрос на его произведения даже вырос.

А возраст свое берет. Исчезает былой эмоциональный запал. И Мартынов снова меняет творческую квалификацию. Он пишет серию автобиографических новелл. В них реальность прошлого так тонко переплетается с литературным вымыслом, что отличить одно от другого невозможно. Однако ни литературной, ни исторической ценности такой симбиоз не уронил.

Из жизни Леонид Николаевич ушел в 1980 году. Признанным поэтом и состоявшимся прозаиком.

В 1985 году Омское книжное издательство выпустило сборник новелл «Воздушные фрегаты» тиражом 80 тысяч экземпляров. И книга разошлась! Секрет популярности книги кроется в том, что для всякого любознательного жителя Омской области «Воздушные фрегаты» Мартынова имеют ту же ценность, как и «Записки из Мертвого дома» Достоевского. Это наша история, только обличенная в литературный, легковоспринимаемый текст.

Я эти две книги считаю главными для омичей. Нельзя жить в Омске и время от времени не перечитывать их.

Виктор Тонкошилов
Фото автора

СУДЬБА БАЛОВАЛА НЕ ВСЕХ

Арест «Сибирской бригады» в 1932 году стал первым опытом ОГПУ по созданию групповых уголовных дел против творческой интеллигенции. Но шестеро арестованных сибирских писателей получили почти детские, если учитывать суровость эпохи, наказания - по три года ссылки на русский Север.

Закономерно возникает вопрос: а как в последующем сложился их жизненный путь? А он сложился до контрастности непохоже. Павел Васильев и Евгений

Забелин были вновь арестованы в 1937-м. Васильева расстреляли, а Забелина сослали на Колыму, где он погиб, не выдержав адских условий существования. Трое -

Николай Анов, Сергей Марков и Лев Черноморцев - прожили долгие годы и пользовались всеми благами, которые давало звание «советский писатель». А Мартынов занял место на творческом олимпе СССР, став одним из самых знаменитых поэтов страны.

Что их четверых роднило, так это нежелание вспоминать о застенках Лубянки. Даже очень близкие люди писателей об аресте 1932 года узнавали случайно.

Вадим Этин